
СТОУНВИК
СВЯЗЬ БЕЗ КЛЯТВЫ
ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Стоунвик: Связь без клятвы

«Автор»
2026

Моррен Л.

Стоунвик: Связь без клятвы / Л. Моррен — «Автор», 2026

В первую ночь экспедиции из-за деревьев раздался женский голос. Рейнар бросился на зов, и я едва успела дать ему зелье, прежде чем он обернулся драконом. Только в Стоунвике я узнала, кого он услышал: свою погибшую наездницу.Я думала, за стенами академии мы будем в безопасности. Днём я возилась с упрямыми корнями на занятиях садовых фей, а по вечерам Элиас учил меня управлять даром. Однажды он увёл меня на крышу башни, и под звёздами я поймала себя на том, что совсем не хочу уходить. А потом Рейнар взял меня за руку — и между нами вспыхнула нить, какой у человека и дракона быть не должно.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Стоунвик: Связь без клятвы

Глава 1

На дне моей дорожной сумки лежала запасная рубашка, сложенная так аккуратно, будто я собиралась в гости. Поверх неё я уложила бинты, свёртки с перевязочной травой и две склянки от ожогов, после чего сумка приобрела ту упитанную форму, за которую Ника прозвала её жабой. У жабы не застёгивался рот, а мне ещё предстояло найти место для зелья, способного успокоить дракона.

Госпожа Вереск застала меня за попыткой стянуть края ремешком. Она положила на стол флакон в тёмном чехле, расстегнула пряжку и вынула третью пачку бинтов, которую я сунула поверх остальных на всякий случай. В её руках моя сумка сразу перестала выглядеть как вещь, которую нужно уговаривать.

— Когда вы дадите это зелье? — спросила она, придерживая флакон двумя пальцами. — Представьте, что рядом нет ни меня, ни лекаря и никто не подскажет, правильно ли вы поняли, что происходит. Начните с того, на что посмотрите прежде, чем вынуть пробку.

Я не сразу ответила, потому что на экзамене этот вопрос звучал легче. Там Терен сидел напротив меня, вполне довольный жизнью и тем, что я не собиралась угадывать, с кем он сегодня поссорился, а рядом находился лекарь. Теперь вместо Терена мне почему-то представился Рейнар, и я испугалась не превращения, а того, что он посмотрит на меня и не узнает.

— Зелье может помочь, если жар начинает выходить из-под контроля, но дракон ещё слышит меня и может глотать, — сказала я наконец. — Если он уже потерял сознание, я не стану ничего вливать ему в рот. При ране или если у него собьётся дыхание, нужен лекарь, даже если зелье подействовало.

Вереск кивнула и вложила флакон мне в ладонь. На экзамене мне хотелось, чтобы она поскорее сказала, что ответ верный, а теперь я бы охотно выслушала ещё десяток вопросов, лишь бы кто-нибудь гарантировал, что ни один не пригодится. Она заметила, как я стиснула пальцы, и велела завернуть стекло так, чтобы его можно было найти на ощупь.

— Если ты взяла всё это ради меня, я польщён, — раздалось от двери. — Но у меня всего две запасные рубашки, и я уже начинаю думать, что мы по-разному понимаем слово «поход». Ты рассчитываешь дойти до узла или собираешься открыть там лечебное крыло?

Рейнар стоял в проходе с плащом на плече и тем самым выражением лица, с каким когда-то спросил, обязательно ли мне сидеть на самом краю садовой скамьи. Вчера я ещё думала о прогулке к реке, на которую он меня пригласил, а сегодня он застёгивал дорожные перчатки и старался не смотреть на флакон у меня в руке. Я ответила, что в лечебном крыле ему хотя бы выдали бы чистую рубашку, и он рассмеялся первым.

Элиас вошёл следом, неся тубус с картой и коробочку измерительных пластинок. Он выслушал последнее замечание, проверил, куда я сунула флакон, и предложил переложить его в наружный карман. Потом придержал клапан, пока я завязывала шнурок, и сразу убрал руку, хотя мне хватило бы ещё мгновения, чтобы решить, куда смотреть.

— Во время дороги вы сами выбираете, что наблюдать, — сказала Морвина, появившись у окна выдачи с копией маршрута. — Но первая отметка нужна до темноты, даже если всё идёт по плану и писать совершенно не о чем. Если задержитесь, сообщите, где остановились, и я передам сведения Гаррету.

На карте центральный узел обозначался маленьким кольцом у северного холма. Связная пластина уже однажды принесла оттуда ответ на наше наблюдение у лесной станции, и мне до

сих пор не нравилось, что кто-то или что-то сочло меня подходящим наблюдателем прежде, чем я успела задать хоть один вопрос. Я решила отмечать только то, что успею проверить: состояние растений у старых опор, время отклика и направление, если сумею его различить.

Вереск отдала мне сумку, и я с удивлением обнаружила, что та застегнулась с первого раза. У ворот Рейнар уже держал поводья, а Элиас сверял выданную карту со своей; оба подняли головы, когда я подошла. Я нащупала в наружном кармане горлышко флакона, перекинула ремень через плечо и вышла с ними на дорогу, впервые не спрашивая, на каком месте мне положено идти.

До северной развилки мы добрались задолго до полудня, зато потом едва не потеряли целый час у ручья. На карте через него были переброшены мостки, а на деле из воды торчала одна перекошенная доска, которой не поверила даже лошадь Рейнара. Я спешилась, пока Элиас в третий раз сравнивал изгиб берега с чернильной линией.

— Если мы стоим здесь, мост должен быть немного выше, — сказал он, прижимая угол карты к седлу. — Но на старой копии деревья нарисованы вдоль левого берега, а на новой — вдоль правого. Надеюсь, кто-нибудь из переписчиков хотя бы спросил у реки, не собирается ли она переехать.

Рейнар уже шёл вдоль воды, вдавливая каблуки в мокрую глину. В нескольких шагах выше он нашёл два уцелевших пролёта, проверил доски и поднял руку, чтобы мы пока не вели лошадей. Элиас без спора сложил карту, отмерил верёвку и подал ему свободный конец, словно они много раз именно так и перебирались через ручьи.

— Не тяни, пока я не скажу, — предупредил Рейнар, обвязывая верёвку вокруг накренившегося столба. — Под доской есть целая балка, но если сдвинуть её в сторону, она уйдёт вместе с опорой. Элара, посмотри, пожалуйста, не тянется ли под столбом живой корень, я отсюда вижу только верхушку.

Я присела у берега и раздвинула траву рукоятью ножа. Под столбом действительно шёл корень, но дальше он огибал опору, поэтому верёвку можно было закрепить ниже и не перерезать его. Пока я показывала место, Рейнар придержал столб, Элиас переставил петлю, и мне подумалось, что стоило бы навсегда оставить нам какое-нибудь общее дело с очень ясным порядком действий.

За ручьём дорога пошла вверх, и до самого гребня мы больше почти не разговаривали. Я отмечала на карте места, где у межевых камней росла бледная мята, а в двух точках остановилась проверить землю и обнаружила под тонким сухим слоем обыкновенную сырость. После станции мне слишком легко было принимать каждый невзрачный лист за след магии, поэтому я записала ещё и то, чего не обнаружила.

Ближе к вечеру Элиас достал дорожную пластину, чтобы передать Морвине обещанную отметку. Я продиктовала название ручья, время перехода и то, что до центрального узла сегодня мы уже не доберёмся. Когда на краю пластинки проступило короткое подтверждение, мне стало спокойнее: если завтра мы не ответим, в Стоунвике хотя бы будут знать, где нас искать.

Сухая площадка для ночлега нашлась за поворотом, на пологом склоне. Между двумя соснами там лежал серый камень высотой мне по пояс, и кто-то когда-то вырубил на нём кольцо с узкой щелью, открытой на север. Я узнала очертания по рисунку в тетради и позвала Элиаса прежде, чем подошла ближе.

— Путевой знак старой сети, — сказал он, поставив коробку на землю. — Через такие камни передавали отметки с дороги, когда до станции было далеко. Сейчас проверю, есть ли подача, а вы пока зарисуйте щель с того места, где стоите.

Он приложил пластинку к камню и дождался, пока исчезнет слабое свечение от его пальцев. Больше ничего не произошло: поверхность осталась серой, прибор не подал знака, мох у основания даже не шевельнулся. Я нанесла камень на карту и, по своему же утреннему правилу,

записала, что признаков работающей подачи мы не нашли, хотя мне очень хотелось написать короткое и удобное «не работает».

Рейнар осмотрел склон и выбрал для палатки место, откуда вода в случае дождя стекала бы мимо наших вещей. Потом показал, где можно развести огонь, и отвёл лошадей под деревья, достаточно далеко от дыма. Когда он вернулся с охапкой сухих сучьев, мы с Элиасом уже закончили записи и больше не могли сослаться ни на карту, ни на необходимость досчитать отметки.

У костра Рейнар поставил котелок и сел напротив нас. Элиас положил рядом с собой нож и разломил сыр на три части с таким вниманием, будто от размеров кусков зависело, как пройдёт вечер. Я подвинула к огню озябшие руки и поняла, что мне впервые за весь день придётся смотреть на обоих мужчин, не спрашивая, куда поворачивает дорога.

Первую ложку похлёбки я проглотила слишком быстро и обожгла язык. Рейнар протянул мне кружку с водой, я благодарно приняла её, а потом обнаружила, что держу кружку обеими руками, как на экзамене, когда нужно было не выдать дрожь. Впрочем, на экзамене было проще: там никто не приглашал меня на прогулку к реке и на вечернее чтение с разницей в один день.

— Вы собирались рассказать, чем кончилась история с поваром, — напомнил Элиас, поправляя свёрток с хлебом. — Я успел дочитать до того места, где у него отобрали нож, но дальше вы уверяли, что будет хуже. Если это и есть та часть, которую читают в галерее, мне стоило подготовиться.

Я сказала, что не собираюсь портить ему удовольствие и что повар вполне способен навредить себе без ножа. Элиас улыбнулся, а Рейнар подкинул в огонь ветку, с которой на мой сапог посыпались искры. Он тут же смахнул их рукавицей и спросил, не прожгло ли кожу, но, пока я осматривала сапог, улыбка Элиаса успела исчезнуть.

Мне хотелось спросить Рейнара о реке, чтобы он услышал: я помню и про его приглашение. Однако делать это сейчас, на глазах у Элиаса, казалось не менее странным, чем продолжать разговор о чтении, замечая, как Рейнар молчит. Я отложила кружку, предложила разделить принесённые Никой яблоки и чуть не уронила одно прямо в котелок.

— У вас на щеке след от похлёбки, — сказал Элиас и, увидев моё движение, вовремя остановился. — Вот платок, им проще, чем рукавом. Чистый, я ещё не успел вытереть им ни одного путевого камня.

Он протянул мне сложенный квадрат ткани, и я взяла его, даже не задумавшись. На углу обнаружилась маленькая синяя строчка, аккуратная и неожиданно домашняя, а сам платок пах мылом. Я уже хотела пошутить, что у него и для камней наверняка есть особый набор, когда Рейнар положил ложку на край миски.

— У тебя на всё есть запасной платок или только на её случай? — спросил он. — Впрочем, мне и в голову не пришло бы запасаться такими вещами на троих. Видимо, в следующий раз я должен тщательнее прочесть список снаряжения.

Элиас не ответил. Он протянул ладонь за платком, и я положила ткань ему в руку, промахнувшись мимо края так, что наши пальцы всё-таки встретились. Я почувствовала, как вспыхнули щёки, и рассердилась на себя за то, что мне вдруг стало стыдно даже за прикосновение, которого никто из нас не искал.

— Если вы закончили обсуждать, как я ем, передайте, пожалуйста, хлеб, — сказала я. — Он лежит ровно посередине и пока никому из вас ничего не обещал. Мне бы хотелось спокойно доесть, прежде чем мы окончательно испортим ужин.

Элиас передал мне свёрток, Рейнар снял миску с колена, и никто не засмеялся. Я отломила кусок, хотя уже не была голодна, и тут же вспомнила, как Рейнар у ручья ждал моего ответа о корне, не пытаясь угадать его за меня. От этого маленькая колкость задела сильнее:

мне нравилось, каким он умел быть рядом со мной, и совсем не хотелось, чтобы сейчас он прятал это за обидой.

Рейнар поднял голову, встретился со мной взглядом и открыл рот. Я была почти уверена, что он собирается сказать что-нибудь неловкое и честное, потому что знала этот короткий вздох перед словами, в которых он не был уверен. Но вместо этого он повернулся к деревьям и замер так резко, что у него с колена соскользнула рукавица.

— Что там? — спросила я, всматриваясь в тёмный промежуток между стволами. — Я ничего не слышала, кроме лошадей. Если кто-то подходит, давайте хотя бы встанем так, чтобы нас было видно от тропы.

Элиас тоже повернул голову, прислушался и покачал ею. Лошади перебирали копытами по хвое, над огнём лопнула смоляная капля, а за деревьями всё оставалось неподвижным. Только Рейнар смотрел в одну точку мимо костра так, словно оттуда его только что окликнули по имени.

Первым мне бросился в глаза свет над плечом Рейнара. Я приняла его за нитку дыма, на которой задержался отблеск угля, и даже моргнула, чтобы он исчез. Свет остался, вытянулся тонкой дрожащей полоской и ушёл за деревья туда, куда Рейнар продолжал смотреть.

Я уже видела связи в Стоунвике и знала, как обманчив бывает первый взгляд. Хотела назвать про себя только то, что могла бы занести в тетрадь: тонкая линия, тянется на север, ярче у плеча. Но в следующую секунду линия натянулась, и из-за деревьев донёсся женский голос, ясный, близкий и удивительно спокойный.

«Рейнар, сюда. Я держу проход». Перед последним словом женщина чуть запнулась, словно на миг перехватила дыхание, и эта маленькая неровность напугала меня сильнее самого голоса.

Рейнар дёрнулся всем телом. Лицо у него сперва изменилось так, как меняется лицо человека, который внезапно увидел в толпе кого-то родного, а потом у него приоткрылся рот и проступила такая боль, что я невольно шагнула к нему. Он тихо сказал «подожди», и я не сразу поняла, что говорит он не мне.

Я попыталась проследить линию между стволами. За соснами не обнаружилось ни фигуры, ни ответного свечения, только мох на камне на мгновение сделался бледным, будто над ним прошла луна. Я потянулась взглядом дальше, и собственное плечо заныло от усилия так, словно нить ухватилась ещё и за меня, хотя я не видела рядом с собой никакого света.

— Рейнар, останься здесь, — позвал Элиас, поднимаясь с земли. — Если тебе кажется, что там кто-то есть, сначала скажи нам, откуда ты это понял. Я смотрю туда же и вижу только камень и сосну за ним.

Элиас сказал это тем ровным голосом, который обычно помогал мне на занятиях, когда от множества откликов начинало рябить в глазах. Я почти ждала, что Рейнар, как и я тогда, найдёт взглядом какую-нибудь простую вещь и уцепится за неё. Но его миска лежала у сапога, рядом горел огонь, а он смотрел туда, где даже мне уже нечего было различить, кроме тонкой белой полоски.

Рейнар не обернулся. Он поставил ногу прямо на край кострища, даже не заметив искр, и под воротом его рубашки вспыхнула первая полоска чешуи. Жар ударил мне в лицо, словно кто-то распахнул печную дверцу, котелок подпрыгнул на опоре и завалился набок, вылив похлёбку в угли.

Лошади заржали и рванулись у привязи. Элиас схватил меня за рукав, оттаскивая от котелка, и я успела увидеть, как на его собственной манжете почернел край ткани. Он бросил рукав, когда понял, что я стою на ногах, а Рейнар сделал ещё один шаг к лесу и сжал пустую руку, будто надеялся кого-то удержать.

— Рейнар, посмотри на меня, — сказала я, но он даже не моргнул. — Ты у костра, мы остановились на ночь, помнишь ручей и мостки? Там, куда ты смотришь, сейчас никого нет, а я стою совсем рядом.

В ответ он хрипло втянул воздух. Под скулами у него проступили тёмные полосы, глаза на миг стали золотыми до самых краёв, а с пальцев на сырую землю упали две горячие искры. Я могла отойти к лошадям и позвать его оттуда, но тогда между нами остался бы костёр, через который он, кажется, уже не умел переступить по-человечески.

В наружном кармане глухо стукнуло стекло, и я вспомнила, как легко ответила Вереск про слух и глоток. Тогда между вопросом и ответом было сколько угодно времени, а теперь Рейнар даже не замечал, что я зову его. Мне нужно было добиться, чтобы он хотя бы на секунду оказался здесь, на этой мокрой земле, рядом со мной.

Я обошла огонь со стороны опрокинутого котелка. Под сапогом хрустнула миска, и мне вспомнилось, как Рейнар протянул мне кружку несколько минут назад, не спросив, к кому я обращусь за помощью. Я остановилась у его плеча и почувствовала такой жар, что пришлось прижать свободную руку к боку, чтобы не отдёрнуть её раньше времени.

На этот раз я произнесла его имя у самого уха. Добавила, что это я, Элара, и попросила повернуть голову, не делая больше ни шага. Он вздрогнул, скосил на меня золотые глаза, и на мгновение челюсть у него расслабилась, а я нащупала в наружном кармане туго обмотанное горлышко флакона.

— Элиас, придержи его, пожалуйста, он сейчас упадёт или рванётся вперёд, — сказала я, не отводя взгляда от лица Рейнара. — Только не закрывай ему рот и не тяни за шею. Рейнар, это я, Элара, ты слышишь меня и можешь кивнуть?

Он кивнул так слабо, что я скорее угадала движение, чем увидела его. Элиас подхватил его сзади за плечи, а я вытащила пробку и поднесла горлышко к губам, дав ему самому сделать первый глоток. Рейнар закашлялся, я убрала флакон и дождалась, пока он снова посмотрит на меня, после чего он дотянулся до моей руки и допил зелье.

Жар начал спадать не сразу. Сначала перестали сыпаться искры, потом чешуя у воротника потускнела, и только тогда я заметила, что Рейнар почти всем весом навалился на Элиаса. Я успела придержать его голову, пока они оседали на землю, и повторила его имя уже без всякой уверенности, что он ещё слышит.

— Дышит, — сказал Элиас, когда мы уложили его на бок. — Посмотри, грудь поднимается ровно, но здесь мокро и полно горячих углей. Давайте сначала перенесём его в палатку, а потом я попробую связаться со Стоунвиком.

Мы добрались до палатки в несколько неловких приёмов, и ни разу мне не пришло в голову, что совсем недавно я боялась случайно коснуться руки Элиаса. Теперь я упиралась плечом ему в бок, пока мы протаскивали Рейнара через низкий вход, а он спрашивал, не ушиблась ли я о колышек. Внутри я подложила под голову Рейнара свёрнутый плащ, убрала мокрую перчатку и впервые смогла дотронуться до его виска, не ожидая ожога.

Элиас оставил мне фонарь, проверил лошадей и передал Морвине сообщение. Ответ пришёл через несколько минут: нас просили следить за дыханием, не давать нового зелья без указания лекаря и сообщить, когда Рейнар очнётся. Если он сможет ехать, нас встретят у северной заставы; если состояние ухудшится, за нами вышлют помощь прямо в лагерь.

Я села у входа, держа фонарь так, чтобы свет падал на плечо Рейнара. Мне никак не удавалось перестать считать его вдохи, хотя они шли ровно и каждый следующий был похож на предыдущий. Когда Элиас вернулся, я увидела на его рукаве прожжённую полоску и спросила, не добрался ли жар до кожи.

— Нет, там только ткань, — ответил он, отгибая манжету. — Лучше скажите, что вы увидели прежде, чем он встал, потому что сначала вы смотрели совсем не на его руки. Если за этим стоит что-то у камня, мне нужно знать, чего ждать до утра.

Я приготовилась рассказать о голосе, но взглянула на Рейнара и снова увидела ту короткую радость на его лице перед тем, как ему стало больно. Мне вспомнилось имя Лиоры, о которой он говорил редко, и я испугалась назвать его по одному лишь ощущению, пока Рейнар лежал рядом и не мог мне возразить. Вместо этого я сказала, что заметила чешую и перемену в глазах, а потом уже думала только о том, как заставить его услышать меня.

Элиас ещё секунду смотрел на меня, и я не сумела угадать, поверил ли он. Он не повторил вопрос, только принёс второй плащ, предложил мне лечь и сказал, что сменит меня, как только я перестану вздрагивать на каждом вдохе. Я ответила, что дежурить можно и не дожидаясь такого чуда, и после этого он всё-таки улыбнулся, хотя совсем ненадолго.

Ночью мы менялись дважды. Во второй раз я вышла из палатки с кружкой остывшей воды и увидела, что над путевым камнем уже светлеет небо. Камень был таким же серым, как накануне, и я не пошла проверять его снова, хотя теперь знала, о чём надо спросить человека, который видел старую сеть в работе.

На рассвете Рейнар открыл глаза и первым делом спросил, куда делась похлёбка. Я ответила, что в следующий раз он может сказать, если ему не нравится ужин, и шутка вышла такой слабой, что он сразу перестал улыбаться. Он помнил костёр, мою кружку и что-то за деревьями, но, когда попытался вспомнить, почему встал, только закрыл глаза и попросил дать ему минуту.

Мы дождались, пока он сможет сам сесть, попить воды и выйти из палатки. Элиас отправил новую отметку на заставу, я свернула плащи, а Рейнар затянул ремень на седле, позволив мне молча придержать пряжку. Никто из нас больше не предложил ехать к центральному узлу, и на первом повороте я обернулась только затем, чтобы запомнить, как стоит камень между двумя соснами.

К северной заставе вела та же дорога, по которой мы вчера шли с картой и ясным представлением о том, что собираемся делать у центрального узла. Теперь я везла с собой пустой флакон и фразу, которую слышала всего один раз, но могла повторить вместе с той короткой паузой перед последним словом. Я решила, что сначала произнесу её при Вальдене: если за деревьями я и вправду слышала голос Лиоры, я хотела знать это прежде, чем заставлю Рейнара услышать её имя от меня.

Глава 2

У северной заставы нас встретили двое верховых и лекарь с таким коротким плащом, словно он заранее рассчитал, сколько ткани может позволить себе человек, которого постоянно куда-то зовут. Он осмотрел Рейнара прямо во дворе, а потом ехал рядом с ним до самых ворот Стоунвика, время от времени спрашивая, не стало ли труднее дышать. Рейнар всякий раз отвечал спокойно, но стоило лекарю отвернуться, как он снова принимался тереть горло через ворот рубашки.

В лечебном крыле пахло сушёной мятой и мокрыми поленьями. Рейнар сел на край койки и принялся расстёгивать дорожные сапоги, будто намеревался доказать хотя бы им, что в помощи не нуждается. Один ремешок никак не поддавался, и я уже хотела наклониться, когда он поднял голову и увидел за моим плечом Элиаса.

— Что у тебя с рукавом? — спросил он, отпуская пряжку. — Вчера у ручья ты зацепился за ветку, но с этой стороны ткань была целая. Я хорошо помню, потому что ты потом полчаса доставал из манжеты хвою.

Элиас посмотрел на обугленный край, как будто впервые заметил его при дневном свете. Я знала, что кожа под тканью не пострадала, потому что ночью он уже показывал мне запястье, но сейчас мне снова захотелось проверить. Он подвернул манжету, разгладил её на предплечье и только после этого ответил.

— Возле костра стало жарко, и я не вовремя протянул руку, — сказал он. — Ожога нет, если ты об этом. А рубашку можно отдать тому переписчику, который нарисовал нам мост на месте ручья: он наверняка сумеет убедить всех, что дыра была задумана.

Рейнар даже не улыбнулся. Он перевёл взгляд с рукава на мои руки и задержался на красной полоске возле большого пальца, оставшейся от палаточной верёвки. Мне пришлось показать такую же полоску на другой ладони и объяснить, что обе появились утром, когда я торопилась свернуть лагерь.

— Я помню похлёбку и то, что сказал за ужином, — произнёс он, глядя на развязанный сапог. — Помню ещё женский голос за деревьями, но после него как будто сразу наступило утро. Вы оба знаете, что было между этим и утром, а я пока могу только смотреть на твой рукав и додумывать.

Я сказала, что он шагнул к костру и начал превращаться, а мы с Элиасом удержали его достаточно долго, чтобы он выпил зелье. Рейнар переспросил, сам ли он пил, и я ответила, что первый глоток он сделал сам, а под конец даже придержал мою руку. Он выслушал это внимательно, как будто во всей пропавшей ночи именно тот короткий миг мог принадлежать ему по праву.

Лекарь вернулся с двумя флаконами и низкой деревянной подставкой, на которой вместо часов стояла свеча с делениями. Он объяснил, что сегодня Рейнар останется под наблюдением и будет получать успокаивающее зелье каждые три часа, пока жар не перестанет возвращаться. Если к вечеру всё будет спокойно, можно будет ненадолго выйти в сад, при условии что он не попытается убедить себя и весь Стоунвик, будто прогулка за северные ворота тоже считается садом.

— Я уже проехал от заставы и ни разу не свалился с лошади, — заметил Рейнар, принимая первый флакон. — Неужели теперь мне придётся спрашивать разрешения, чтобы дойти до скамьи? Можете хотя бы не выбирать за меня скамью, а то я начну подозревать, что у вас на этот счёт тоже есть расписание.

Лекарь сказал, что скамью Рейнар волен выбрать сам, и вышел за чистым бельём. Элиас убрал карту со стула, чтобы освободить место для подноса, а я поймала себя на том, что хочу

сказать Рейнару: теперь всё позади. Но за этим обещанием стояли всё тот же путевой камень и голос, о котором я пока не рассказала никому.

— Мне нужно к Вальдену, — сказала я, поднимая с пола дорожный журнал. — Я оставлю у дежурного нашу отметку о возвращении, чтобы Морвина не ждала сообщения с дороги. Если захочешь увидеть меня позже, скажи, где тебя искать, и я приду.

Рейнар посмотрел на меня, будто ожидал ещё чего-то, потом кивнул и отвинтил крышку. У двери Элиас попросил захватить копию маршрута, если ректор захочет сверить место ночлега, и я забрала её вместе с журналом. На лестнице мне впервые пришло в голову, что точные слова, услышанные в лесу, могут причинить больше боли, чем всё, что я уже решилась рассказать.

Вальден выслушал отчёт о дороге, не перебив меня даже у того места, где я призналась, что не проверила камень после приступа. Он развернул карту, попросил показать, где мы поставили палатку, и положил на отмеченную площадку уголок листа, чтобы не потерять её среди мелких значков. Пока мы говорили о мостках и времени ночёвки, мне было легко держать спину прямо.

— Перед тем как Рейнар встал, я видела нить у его плеча, — сказала я, отодвигая журнал. — Она тянулась на север, а за деревьями женщина сказала: «Рейнар, сюда». Потом она чуть запнулась перед последним словом и договорила: «Я держу проход».

Ректор положил ладонь на карту, и бумага тихо смялась под его пальцами. Сначала он спросил, произнесла ли женщина именно «держу», а не «вижу», потом попросил повторить всю фразу с той же паузой. Когда я повторила, он встал, прошёл к окну и остался там, не касаясь защёлки, хотя в кабинете было душно.

— Эти слова сказала Лиора в день своей гибели, — произнёс он наконец. — Я был у прохода, когда она позвала Рейнара, и слышал, как ей не хватило дыхания на последнее слово. Потом я видел, как она погибла, Элара, и, если понадобится, готов повторить это при тех, кто сочтёт, будто мне послышалось.

Я никогда не слышала, чтобы он говорил со мной так тихо. В его голосе было то же напряжение, с каким Рейнар в лечебном крыле уверял нас, что не свалился с лошади, и мне захотелось дать ему минуту, о которой Рейнар просил на рассвете. Я подождала, пока ректор вернётся к столу, и только тогда спросила, могла ли связь однажды оборваться, а потом отозваться, когда один из двоих давно погиб.

Вальден снял с карты лист и медленно разгладил его ладонью. Он сказал, что переживший утрату может годами помнить, как отзывался другой человек, особенно в те минуты, когда ему страшно или больно. Но воспоминание не должно было протянуть видимую нить от путевого камня к Рейнару, и ректор не стал выдумывать объяснение только ради того, чтобы мне было спокойнее уйти из кабинета.

— Я не уверена, что нить начиналась у камня, — сказала я, находя в журнале свою зарисовку. — Я видела, что она уходит в ту сторону, и что мох побледнел, когда я проследила за ней взглядом. За камнем я не увидела ни женщины, ни того места, где нить могла бы закончиться.

Ректор наклонился к рисунку, и в тот же миг по стене скользнула тень. Я решила, что за окном прошла туча, но солнечная полоса на полу осталась на месте, а свет в глубине башни потускнел, словно кто-то прикрыл изнутри главный кристалл. С лестницы донёсся один короткий удар колокола, и Вальден резко выпрямился.

Морвина вошла с пластиной в руке, ещё до того как он успел позвать её. Она посмотрела на часы, назвала время и попросила оставить дверь открытой, чтобы слышать следующий сигнал из зала кристалла. Вальден велел ей сравнить отметку с ночным донесением с заставы и передал мой журнал, оставив перед собой только карту.

— Вы пытались остановиться, когда увидели нить? — спросил он, дождавшись, пока Морвина уйдёт. — Я имею в виду тот миг, когда поняли, что не видите другого конца. Что

заставило вас отвести внимание: вы сами решили, что довольно, или вам стало не до наблюдения?

Я вспомнила боль в плече и то, как потянулась взглядом ещё дальше, хотя уже не понимала, что надеюсь найти. Потом Рейнар шагнул в огонь, и всё остальное разом потеряло значение. Мне хотелось представить это как собственное решение, но Вальден ждал ответа, а на его столе лежала карта, на которой я ещё вчера записала, что у камня мы не нашли признаков подачи.

— Я остановилась, когда ему понадобилась помощь, — ответила я. — До этого я видела всё меньше и всё равно пыталась смотреть дальше. Если бы он не встал, не знаю, когда бы я отвела взгляд.

Вальден запретил мне выезжать, пока я не научусь прекращать наблюдение по собственной воле. Мне захотелось напомнить, что в лагере я помогла Рейнару, но он опередил меня и сказал, что слышал об этом от лекаря. Именно поэтому он хотел, чтобы в следующий раз мне хватило сил помочь кому-нибудь ещё, даже если передо мной окажется явление, от которого невозможно оторваться.

Я вышла с картой, которую он вернул мне для сверки с Элиасом. В конце коридора свет уже стал ровнее, но дежурный у лестницы всё ещё прислушивался к колоколу, держа руку на перилах. Лиора погибла, и всё же её слова дошли до нас в лесу; теперь в Стоунвике отозвался и кристалл, а мне предстояло рассказать Элиасу, почему в ту ночь он узнал от меня так мало.

У моей комнаты Элиас сидел на узком подоконнике с картой на коленях. Когда я подошла, он поднялся так поспешно, что свёрнутый уголок ударил его по подбородку, и на мгновение я увидела того человека, который вчера у костра предлагал мне чистый платок. Потом он спросил, что сказал ректор, и я открыла дверь, чтобы не отвечать на лестнице.

Ника ещё не вернулась, но на моём столе стояла чашка, накрытая блюдцем, а на спинке стула висела чистая кофта. Я освободила для карты место между чашкой и кувшином, предложила Элиасу сесть и сама осталась стоять, потому что так было проще начать. Он снял плащ, положил его на край кровати и ничего не спросил повторно, пока я рассказывала о нити, словах и реакции Вальдена.

— Значит, это было до того, как Рейнар шагнул в огонь, — сказал он, когда я закончила. — Вы услышали голос, а потом увидели, как он начал превращаться. Когда я ночью спросил вас именно про то, что было раньше, вы уже знали и про голос, и про нить.

Я сказала, что не знала, принадлежит ли голос Лиоре, и потому не хотела называть её имя при Рейнаре. Как только я произнесла это, мне стало ясно, что речь у костра шла совсем о другом: Элиас не спрашивал, кто звал Рейнара, он спрашивал, было ли там что-нибудь ещё. Теперь я снова слышала его вопрос и собственный ответ, который ни в одном слове не был ложью и всё-таки оставлял ему совсем другую картину случившегося.

Элиас провёл пальцем по обгорелой манжете. Он рассказал, что после моего ответа решил: если опасность и шла от камня, то она действовала на дракона, а не на меня, поэтому он оставил меня у входа в палатку и пошёл проверять лошадей. Если бы он знал, что я тоже слышала зов, он бы сначала спросил, слышу ли я его до сих пор, и никуда не ушёл бы без ответа.

— Помните, как вы узнали, что я уже бывал на станции? — спросил он, наконец сев. — Мне тогда казалось, что я имею право молчать, пока не буду уверен, чем моё прошлое может нам помочь. Вы очень сердились, и я только теперь понял, насколько легко мне было оказаться на вашем месте и всё равно ничего не заметить до самого конца.

Мне захотелось возразить, что я ничего не скрывала годами и собиралась всё рассказать с самого утра. Я даже взялась за чашку, чтобы выиграть время, но чай оказался холодным, и от этого простого открытия мне почему-то стало труднее держаться за оправдание. В лесу Элиас просил меня помочь ему решить, как переждать ночь, а я вместо этого решила, какой правды ему достаточно.

— Я боялась ошибиться, — сказала я. — И боялась, что Рейнар проснётся и услышит, как мы обсуждаем женщину, которую он потерял, словно она очередная отметка на нашей карте. Но я могла сказать вам про голос и не назвать имени, и теперь мне жаль, что я этого не сделала.

Он не ответил сразу. Я смотрела, как он складывает карту по старому сгибу, точно совмещая два края, и вдруг вспомнила, что он всегда начинает делать что-нибудь руками, когда ему хочется сказать больше, чем он себе позволяет. Наконец Элиас оставил карту в покое и поднял на меня глаза.

— Мне хотелось, чтобы вы доверились мне сами, а не только тогда, когда ректор подтвердит вашу догадку, — сказал он. — Это, наверное, не самый беспристрастный ответ, но другого у меня сейчас нет. В следующий раз скажите, что видели или слышали, и отдельно скажите, что об этом думаете, даже если вторую часть мне будет неприятно услышать.

Я пообещала и тут же спросила, готов ли он поступить так же, если найдёт в архиве что-нибудь связанное со своей аварией. Элиас чуть улыбнулся и ответил, что надеялся обойтись без встречных условий, но счёл бы нечестным от них отказаться. Только тогда я села напротив него и позволила себе заметить, как сильно устала от дороги и как приятно мне всё-таки было, что он пришёл.

Когда я передала распоряжение Вальдена, Элиас спросил, хочу ли я начать тренировку сегодня, пока ещё помню ощущение от лесной нити. Он предложил взять самый простой учебный побег, поработать недолго, а потом отправить меня ужинать, причём последнюю часть плана назвал обязательной и для себя. Я натянула чистую кофту поверх рубашки, забрала перчатки, и мы вместе вышли к башне через сад.

К вечеру в саду похолодало, и над дорожками лежал слабый запах сырой листвы. Я уже собиралась спросить Элиаса, понадобится ли на занятии журнал, когда увидела у беседки Рейнара. Он сидел, наклонившись вперёд, и держал закрытый альбом обеими руками, будто принёс его по привычке и теперь не знал, что с ним делать.

— Идите пока вперёд, я поднимусь следом, — сказала я, останавливаясь у поворота. — Если он не захочет разговаривать, я не задержусь. Я только обещала ему прийти, если он скажет, где его искать, а теперь он, кажется, сам нашёл место, в котором я его увижу.

Элиас посмотрел в сторону скамьи, потом поправил ремень сумки и пошёл к башне. Он не спросил, уверена ли я, что Рейнар сидит там ради меня, хотя такой вопрос был бы справедливым. Я постояла ещё немного у края дорожки и подошла только тогда, когда Рейнар поднял голову и заметил меня сам.

— Мне разрешили выбрать скамью, и я выбрал ту, на которой меньше всего шансов встретить лекаря, — сказал он, не двигаясь с места. — Он выдаёт мне зелье каждые три часа и при каждом глотке смотрит так, будто ждёт, что я подожгу флакон. Я бы с удовольствием посидел здесь один, Элара, особенно если ты пришла убедиться, что я опять ничего не натворил.

Я сказала, что пришла потому, что хотела его увидеть, и спросила, можно ли сесть на другом конце. Рейнар посмотрел на свободное место, подвинул альбом к себе на колени и кивнул. Доска подо мной оказалась холодной, и мне вдруг вспомнился тот первый разговор, когда я занимала на этой же скамье меньше места, чем собственная сумка.

— Лекарь спросил, не сжёг ли я кого-нибудь раньше, — произнёс он, глядя на дорожку. — Он, наверное, хотел узнать, случалось ли со мной такое прежде, но получилось именно так. Я весь день пытаюсь вспомнить, успел ли повернуться к вам, когда началось превращение, а в голове вместо этого прокручивается, как я протянул тебе кружку за ужином.

Мне хотелось сказать, что чашка с водой имела для меня больше значения, чем обгорелая манжета, но я понимала, что он услышит в этом попытку снять с него вину. Поэтому я рассказала, где он стоял, куда повернулся и в какой момент Элиас подошёл сзади. Рейнар ни разу меня не перебил и только спросил, сколько шагов оставалось до привязанных лошадей, когда я дала ему зелье.

— Меньше, чем мне хотелось бы, — призналась я. — Но ты услышал меня и выпил его сам, и это я тоже помню совершенно точно. Если мы будем разбираться, что случилось, я хочу, чтобы ты знал обе вещи, а не только ту, от которой тебе страшнее.

Он положил альбом между нами и выпрямился. Несколько секунд мы слушали, как за оградой кто-то гонит гусей с вымощенной дорожки, и я успела подумать, что сейчас он повернётся и снова заговорит со мной тем голосом, каким приглашал к реке. Вместо этого он попросил меня больше не подходить к нему, пока лекари не поймут, что вызвало приступ.

— Я знаю, что не вправе запретить тебе ходить в сад, — добавил он, когда я не ответила. — Но если ты снова окажешься рядом и я ничего не вспомню, от того, что я предупредил тебя заранее, легче не станет. Мне хотя бы сейчас хочется сделать что-нибудь, что наверняка убережёт тебя от меня.

Его рука лежала на доске рядом с альбомом, раскрытая, неподвижная. Я накрыла её своей и сказала, что помогу выяснить, откуда пришёл зов, если он позволит мне сделать это вместе с ним. На мгновение его пальцы расслабились, и я ощутила под ладонью знакомое тепло, которое столько раз принимала за самый простой способ узнать, что он рядом.

Потом Рейнар резко выдернул руку. Он посмотрел на собственные пальцы так, будто они сделали что-то помимо его воли, встал и ушёл к боковой двери, не взяв альбома. Я уже поднялась за ним, но вспомнила его просьбу и остановилась, прежде чем он успел услышать мои шаги.

Альбом я отнесла дежурному у входа в жилое крыло. Он спросил, передать ли что-нибудь от меня вместе с ним, и я едва не сказала, что подожду Рейнара завтра на той же скамье. Вместо этого я назвала только имя владельца, дождалась, пока альбом уберут на полку, и пошла в башню, впервые за весь день совершенно ясно понимая, чему именно хочу научиться.

У Элиаса на столе стоял глиняный горшок с одним побегом в три листа. От блюдца к медной опоре тянулась тонкая проволока, а рядом лежала пластинка с двумя рисками и обыкновенный карандаш, заточенный только с одного конца. По тому, что Элиас не спросил о Рейнаре, я поняла, как внимательно он посмотрел на меня, когда я вошла.

— Научите меня останавливаться, — сказала я, садясь перед горшком. — Я уже умею отойти, когда ясно, что дальше ничего не получится, а до этого мне всё кажется, будто достаточно ещё немного подождать. Сегодня я хочу понять, в какой момент могу перестать сама, пока для этого не понадобилось ничего страшного.

Элиас подтянул горшок ближе и показал, что короткий учебный отклик идёт от нижнего листа к медной опоре. Он предложил сначала найти нить, потом перевести внимание на шов перчатки и на один обычный звук в комнате, выбрав момент самой. Когда его карандаш коснётся стола, время пробы истечёт, но это только крайняя отметка, а не команда ждать до последнего.

Я надела левую перчатку и большим пальцем нащупала шов возле запястья. Под окном капала вода из водостока, на площадке кто-то снимал с крючка связку ключей, и из двух звуков я выбрала капли, потому что они возвращались через почти одинаковые промежутки. Затем посмотрела на нижний лист и различила нить, слабую и белёсую, как корешок, который показался у стенки прозрачного стакана.

Первые несколько мгновений всё шло так просто, что я решила запомнить, как нить огибает черешок. Потом опустила глаза к шву, услышала каплю и уже собралась сказать, что закончила, но в голове продолжала следить за белой линией, ожидая, не дрогнет ли она за краем моего зрения. Когда Элиас стукнул карандашом по столу, я обнаружила, что у меня снова ноет плечо, а пальцы под перчаткой сжаты в кулак.

— Я же отвела взгляд, — сказала я, разминая руку. — Видела шов и слышала воду, а всё равно знала, где сейчас нить. Если бы вы спросили, в какой стороне побег, я бы ответила прежде, чем вы договорили.

Элиас переставил горшок на подоконник, чтобы мне не пришлось видеть его прямо перед собой. Он спросил, знала ли я, где нить, или всё это время проверяла, осталась ли она там, где я её видела. Вопрос показался обидно простым, пока я не поняла, что даже сейчас, когда горшок стоял за его плечом, мне хотелось дождаться, не покажется ли у края стола белый отблеск.

— У меня было такое после того, как я перестал различать отклики, — сказал Элиас, снимая проволоку с опоры. — Я часами сидел над одним и тем же побегом и уверял себя, что просто жду, пока глаза отдохнут. На самом деле мне было страшно заняться чем-то другим, потому что вдруг за это время что-нибудь вернётся, а меня рядом не окажется.

Он налил нам воды и подождал, пока я допью, прежде чем снова подвинуть горшок. Я не стала говорить, что понимаю его, потому что мои ощущения ещё могли вернуться по одному взгляду, а его — нет. Но когда он спросил, готова ли я повторить, я сказала, что на этот раз выберу момент заранее и не буду ждать, пока нить покажет мне что-нибудь новое.

Свет появился там же, возле нижнего листа. Я проследила за ним только до черешка, решила, что этого достаточно, и опустила большой палец на грубую строчку у запястья. Капля ударилась о жесть, потом вторая, и мне опять захотелось проверить, совпало ли это с движением нити, но я вслух назвала два стежка, которые чувствовала под пальцем, и дождалась третьего удара воды.

— Всё, — сказала я, поднимая глаза на Элиаса. — Когда упала вторая капля, я ещё ждала, что увижу свет сбоку, а потом занялась стежками и перестала его ждать. Сейчас я вижу просто горшок, и мне не хочется узнавать, что там изменилось, пока я не смотрела.

Карандаш всё ещё лежал у края стола. Элиас коснулся им дерева только теперь и записал время, а затем повернул ко мне лист, чтобы я сама добавила, в какой миг сумела отпустить нить. Мне хотелось попросить третью пробу, чтобы доказать, что получилось не случайно, но я заметила, как устало двигаются пальцы, и сказала, что на сегодня хватит.

Перед уходом я переписала в тетрадь короткую последовательность: один побег, одна нить, решение остановиться, два стежка под пальцем. Завтра на занятии у Вереск можно будет попробовать то же самое с живыми проводниками, среди которых я привыкла замечать всё сразу. Пока я завязывала сумку, мне всё ещё хотелось вернуться к Рейнару и спросить, что заставило его отдёрнуть руку, но на этот раз я не пошла искать ответа только потому, что не умела ждать.

Глава 3

На урок травоведения я принесла две перчатки, хотя накануне мне вполне хватило одной. Ника вытянула вторую из-под моей тетради, приложила к своей руке и обнаружила, что я по рассеянности прихватила её перчатку. Она великодушно разрешила мне оставить её до конца дня, если я не собираюсь опять ехать куда-нибудь, где вещи возвращаются с дырками.

Я ответила, что ректор пока запретил мне выезжать, и убрала перчатки в карман. Ника уже знала о запрете, но не стала спрашивать, как долго он продлится; вместо этого показала на стол Вереск, где рядом стояли корзина, перегонная колба и огромная лейка. По её мнению, если сегодня нам предлагалось выбрать способ испортить платье, у лейки были лучшие шансы.

Вереск дождалась, пока мы рассядемся, и сняла с корзины влажную ткань. Внутри обнаружились два на первый взгляд одинаковых пучка травы: один лежал на белой бумаге, другой был перевязан красной ниткой. Она попросила Лену не трогать второй пучок, даже если тот выглядит куда наряднее первого, и повернулась к доске.

— Те, кто сдал экзамен, могут выбрать направление для дополнительных занятий, — сказала она, выводя первое слово мелом. — От общих уроков я вас не освобождаю: алхимик, который не умеет отличить два похожих листа, однажды сварит совершенно безупречное зелье из совершенно неподходящей травы. Травница, которая не знает, что происходит с растением после сбора, тоже недолго будет пользоваться доверием лекаря.

Лена наклонилась к корзине и предположила, что пучки собрали в разное время. Вереск предложила сравнить стебли там, где их срезали, и через минуту Лена увидела полую сердцевину у одного и плотную у другого. Я вспомнила, как на экзамене мне хотелось довериться первому впечатлению от сырья, и порадовалась, что теперь могу смотреть на эти два пучка без мысли об оценке.

— Травницы будут учиться собирать и хранить дикорастущие растения, а потом готовить из них лечебные сборы, — продолжила Вереск, пододвигая колбу. — Алхимики займутся превращениями веществ и составами, которые нельзя приготовить, просто продержав обычное зелье подольше на огне. А Садовые феи возьмут на себя то, что должно оставаться живым: грядки, теплицы и растения, по которым в академии проходит сила.

Вика подняла руку прежде, чем мел оторвался от доски. Она с таким серьёзным видом спросила, на каком курсе выдают крылья, что даже Вереск понадобилось мгновение, чтобы решить, смеяться ли. Потом преподавательница молча сняла лейку со стола, поставила перед Викой и дождалась, пока та возьмётся за ручку.

— «Фея» — название направления, госпожа Вика, — сказала она, когда Вика попыталась поднять лейку одной рукой и тут же передумала. — Крылья вам не потребуются, а вот научиться носить воду так, чтобы половина не оказывалась в сапогах, придётся. Можете начать прямо сейчас: у окна стоят три горшка, и только один из них пора поливать.

Пока Вика проверяла землю в горшках, мы переписывали названия направлений. Я вывела «Садовые феи» и поймала себя на том, что уже прикидываю, по каким изгородям в Стоунвике можно было бы проследить отклик, не выезжая за ворота. Даже лейка, над которой мы только что смеялись, успела превратиться у меня в орудие расследования, и от этого я оставила третью строку без единой пометки.

— Мне хочется выбрать сад, — шепнула Ника, пока Вереск показывала Вике, почему у окна земля сохнет с одного края быстрее. — После экзамена я три дня не могла спокойно смотреть на котёл, а в теплице хоть видно, кому именно ты испортила день. Если это окажется куст, можно будет извиниться и принести ему воды.

Я напомнила, что куст иногда предпочёл бы, чтобы его оставили в покое, и Ника задумчиво кивнула. Когда Вереск отпустила нас обдумать выбор, вокруг стола с колбой тут же собра-

лась половина группы, а Лена забрала описание занятий травниц и пошла читать его на лестницу. Ника уже придерживала для меня дверь, когда Вереск произнесла моё имя и попросила остаться на несколько минут.

Когда в лаборатории стало тихо, Вереск подняла с пола несколько травинок, выпавших из корзины. Она положила их на край стола рядом с моими записями и спросила, почему я ничего не написала возле Садовых фей. Я ответила, что с остальными направлениями мне, по крайней мере, всё понятно: я знаю, нравится ли мне собирать травы, и знаю, что происходит со мной, когда в котле что-нибудь сворачивается.

— А в саду вы тоже работали, и не один день, — напомнила она. — Помните побеги у повреждённой стены, которые с виду были совершенно здоровыми? Вы сказали, что с ними что-то не так, а потом сами попросили нож, чтобы проверить корень, вместо того чтобы ждать, когда остальные просто поверят вам на слово.

Я помнила в первую очередь, как боялась повредить растение и как долго искала подходящее место для среза. Уже потом, когда на свету обнаружилась потемневшая середина, я испытала почти детское удовольствие оттого, что чужое подтверждение не отменяет моего собственного открытия. Теперь Вереск говорила об этом как о работе, к которой я могла вернуться, и мне понадобилось некоторое усилие, чтобы не начать сразу перечислять всё, чего я ещё не умела.

— Я бы посоветовала вам направление Садовых фей, — сказала она, придвигая ко мне лист со списком. — Вы замечаете перемены в живом проводнике и умеете проверить, что случилось с самим растением. Даже если однажды ваш дар промолчит, у вас останется достаточно способов выяснить, почему вянет грядка.

Я посмотрела на строку, оставленную для имени, и вместо грядки увидела Рейнара на скамье. Ночью мне понадобилось столько усилий, чтобы не пойти за ним, а утром я уже нашла занятие, благодаря которому можно было снова искать причину случившегося. Я сказала Вереск, что не уверена в своём выборе именно поэтому: стоило ей произнести слово «проводник», как я опять вспомнила лес.

Вереск не стала забирать список. Она попросила меня представить самую обыкновенную неделю после того, как кристалл перестанет сбоить, а с Рейнаром разберутся лекари. На той неделе никто не нуждался в спасении, никто не ждал меня у ворот и никто не выдавал похвал за то, что мне хватило храбрости сунуть руку туда, куда её разумнее было не совать.

— Чем вы хотели бы заняться в понедельник утром? — спросила она, смахнув с края листа сухую травинку. — Не отвечайте сразу, можете сначала решить, в какую дверь вам хочется войти. За любую из трёх вас пустят, и у каждой найдётся достаточно работы, чтобы к пятнице захотелось отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.